

Sawer Dekoder

Обратное время

Sawer Dekoder

Обратное время

«Автор»

2026

Dekoder S.

Обратное время / S. Dekoder — «Автор», 2026

Течение времени это самый базовый путь который мы знаем, сила которая властна над всем, а мы просто зрители этого бесконечного процесса. Кем вы будете в тот миг когда время пойдёт вспять.

© Dekoder S., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Обратное время

Глава

Секунда тишины не была похожа на обычную паузу между вдохом и выдохом: в ней не осталось вибрации, воздух внезапно одеревенел, словно стекловолокно, а пылинки в луче полуденного солнца повисли намертво, превратившись в микроскопические острые лезвия. Лена не споткнулась. В тот миг она несла тяжелый керамический кувшин с колодезной водой, и, когда реальность вокруг сжалась в тугую пружину, ее тело само сместило центр тяжести. Девяносто девять человек из ста замерли вместе со вселенной — их зрачки остекленели, сердца пропустили удар, ставший бесконечностью, а мысли впитались в небытие. Но один процент остался на ногах. Лена была среди них. Она не вскрикнула, не зажмурилась. Она лишь увидела, как капля, упавшая с глиняного носика на сухие доски террасы, не разбилась в пыль, а с мягким цоканьем оттолкнулась от дерева, собралась в идеальную полусферу и медленно, с тягучей уверенностью поплыла вверх, обратно в горлышко сосуда.

Мир поехал назад. Это не было стремительным падением в пропасть. Великое схлопывание началось тихо, почти церемонно, без грохота и огненных сполохов, словно старая киноплёнка, которую кто-то невидимый и равнодушный зарядил в проектор задом наперед. Дым от тлеющей в саду листвы потянулся к обугленным стеблям, собираясь в плотные, густые узлы, втягиваясь в поры древесины, возвращая ей зеленоватый сок и плотность. Трещины на фундаменте старого кирпичного дома начали срастаться с едва различимым, сухим шелестом — известковый раствор затягивал швы, поглощая пыль, выдувая ее наружу крупинками песка. Лена опустила кувшин на стол, но дерево под ним уже слегка дрожало. Большинство тех, кто остался в живом сознании, в первые месяцы кричали от ужаса, пытались разбудить замерших близких. Люди шли по улицам, трогали лица прохожих, но те были недостижимы. Они двигались, но их движения подчинялись закону вспять: они пятились, их губы втягивали слова обратно в гортань, слезы поднимались по щекам в уголки глаз, а из закрытых ран вытягивались нити бинтов. Взаимодействовать с ними было невозможно. Попытка схватить за руку идущего вспять человека заканчивалась ощущением пустоты или жесткого кинетического удара — замерший в инверсии мир обладал колоссальной, слепой плотностью, не допускающей прямого диалога. Лена поняла это в первые же сорок восемь часов, когда сосед по участку пятился к своему гаражу, механически втягивая в канистру бензин, только что выплеснутый на гравий. Она не стала кричать ему. Она просто сделала шаг назад, оценив траекторию.

Лена не анализировала происходящее категориями физических парадоксов или квантовых флуктуаций. Анализ требует опоры на аксиомы, а аксиомы прежнего мира рассыпались в пыль. У нее было другое свойство — редкое, почти звериное чутье на баланс сил, мгновенная подстройка под изменившуюся гравитацию обстоятельств. Ей было двадцать пять лет, но внутри нее жила древняя, мудрая тишина. Когда все вокруг пытались забаррикадироваться в супермаркетах, надеясь переждать бурю за консервными банками, Лена смотрела на консервы и видела неизбежное: через полгода закатанные крышки расправятся, фасоль станет сырыми бобами, желье разойдется по шву, а рассол вернется в укус и соль. Хранить было нечего. Сохранение стало синонимом уничтожения.

Она собрала рюкзак из простых натуральных тканей — синтетика, созданная недавно, уже теряла эластичность, стремясь стать полимерными гранулами, а затем и сырой нефтью — и пошла на восток, прочь от крупных городов. Города превращались в капканы. Современные небоскребы с фасадами из композитных панелей гудели на низких частотах: стекло на верхних этажах плавилось на ветру, втягивая ультрафиолет и собираясь в исходные кварце-

вые массы, арматура сбрасывала напряжение, а бетон трескался, отдавая влагу обратно в атмосферу. Города не разрушались в пыль — они разбирались, вычищая себя из хроники Земли.

Спустя три года человечество — тот самый потерянный, выброшенный на обочину времени один процент — разделилось на бродяг и наблюдателей. Первые сходили с ума, пытаясь удержать ускользящее: они прятали медикаменты, которые в закрытых ящиках превращались в химические реактивы, порошки и незрелые плесневые культуры; они пытались запустить генераторы, чьи медные обмотки разматывались от вибрации, теряя изоляцию. Вторые, среди которых была и Лена, начали слушать ритм отката.

Она осела в долине у подножия древних гранитных холмов, где возникло поселение под названием «Нижний Предел». Здесь люди не строили домов на века. Здесь дом был временным транзитным пунктом, живым организмом, чье старение измерялось не гниением, а возвратом.

Утро начиналось не с будильника, а с проверки реверсивной шкалы. Лена вышла на крыльцо, сложенное из сосновых брусьев. Дерево было свежим, пахло смолой, но Лена знала: этому срубу оставалось примерно сто сорок дней до момента, когда бревна затребуют обратно свои корни и ветви. Когда-то этот дом был построен из досок старого амбара; теперь он откачивался к состоянию свежесрубленного леса.

У колодца ее ждал Марк. Высокий, с глубокими залысинами и цепким, усталым взглядом бывшего инженера, он склонился над таблицей, вычерченной на медном листе. Медь пока держалась — до ее возвращения в рудную жилу оставались десятилетия, если не века.

> Ты опоздала на четверть оборота, — не поднимая головы, произнес Марк. В его голосе не было упрека, только сухая фиксация факта. — Вторая секция рельсов на южном тупике подошла к отметке проката. Если не снимем костыли до полудня, железо начнет срастаться с полотном, а потом потянет за собой насыпь.

> Металл еще теплый? — спросила Лена, присаживаясь рядом на корточки и касаясь пальцами прохладной пыли.

> Градусов сорок. Остывает. Точнее, нагревается перед обратным плавлением. У нас окно — часа четыре, не больше.

Лена не стала сверяться с его расчетами. Она просто посмотрела на горизонт, где над лесополосой дрожал плотный, чуть лиловатый воздух — верный признак того, что материя вокруг ускоряет возврат к исходному сырью. Она чувствовала этот темп кожей, словно смену атмосферного давления перед грозой.

> Шесть часов, — спокойно сказала она. — Ветер сменился, влажность тормозит кристаллизацию. Мы успеем снять не только рельсы, но и забрать сортовой прокат из депо. Но нам понадобятся сани, а не телега.

Марк нахмурился, наконец оторвав взгляд от медной таблицы.

> Колеса телеги только вчера встали в паз. Ступицы еще держат масло.

> Масло вернется в пресс через два перехода, Марк. Телега встанет посреди перегона, когда ступицы разорвет от вытолкнутого дегтя. Сани. Волоком по мху. Марк помолчал, глядя в ее лицо. В ее глазах не было лихорадочного блеска пророков или фанатиков, какие часто встречались среди тех, кто считал великий откат карой небесной. В ней была лишь абсолютная, кристальная ясность человека, который не пытается плыть против течения Ниагарского водопада, а вычисляет идеальный угол наклона весла, чтобы не разбиться о первый же порог.

> Хорошо, — выдохнул он. — Беру двоих из третьей артели. Но если прокат схватится раньше, ты сама будешь объяснять кузнецам, почему мы остались без инструмента на весенний сев.

> Весеннего сева не будет в этом году, — мягко ответила Лена, поднимаясь. — Зерно в закромах уже наливается молочной спелостью. Через месяц мы не сеять будем, а возвращать

колосья в стебли на южном склоне, пока они не превратились в пырей. Готовь серпы обратного среза.

Она развернулась и пошла к амбару. Ее походка была легкой, пружинистой. В мире, где все катилось вспять, она была одной из немногих, кто двигался вперед — не потому, что боролась со временем, а потому, что время стало для нее ландшафтом, сложной горной системой, где каждый обвал был предсказуем.

Экономика нового мира была причудливой и безжалостной. Деньги исчезли первыми: бумага разлагалась на древесную массу и химические отбеливатели, цифры на электронных носителях погасли, когда кремниевые платы вернулись к состоянию кварцевого песка в недрах безжизненных материнских плат. На смену стоимости пришла хроно-валентность. Сколько вещь проживет до своего исчезновения в сырье? Сколько труда нужно вложить, чтобы успеть потребить ее функцию?

Нож стоил дорого не потому, что был сделан из хорошей стали, а потому, что был выкован двадцать лет назад по прямому времени — значит, у него было еще двадцать лет обратного пути до того, как он снова станет бесформенным куском болотной руды. Старые вещи ценились выше новых. Древний наконечник стрелы, найденный в кургане, обладал почти бесконечной ценностью: ему предстояло откатываться тысячи лет назад, сквозь века и эпохи, прежде чем он перестанет быть наконечником. А вот новенький японский нож шеф-повара, купленный за день до Великой Паузы, был мусором: через три месяца он превратился в металлический брусок с едва заметной лазерной гравировкой, а еще через месяц — в пыль на дне ящика. Музеи разграбили в первую очередь, те кто были самыми прозорливыми.

Дорога к железнодорожному депо лежала через заброшенный пригород. Когда-то здесь стояли аккуратные коттеджи с газонами и пластиковыми сайдингами. Теперь пейзаж выглядел сюрреалистично. Пластик и полимеры не выдерживали обратного хода первыми: они растрескивались, превращаясь в липкую, дурно пахнущую жижу, которая медленно испарялась или втягивалась в почву. Зато кирпичные коробки, построенные наспех, обнажали свои каркасы. Лена шла впереди обоза, состоявшего из трех тяжелых деревянных волокуш. За ней шли Марк и двое молодых парней — Илья и Семён, родившиеся незадолго до точки слома. Для них мир, текущий вспять, не был трагедией. Они не тосковали по интернету, неоновым вывескам и самолетам. Для них было естественным, что сломанная скамейка в парке с каждым месяцем становится крепче, очищается от ржавчины и гнили, а затем, достигнув пика своей формы, внезапно распадается на ровные сосновые рейки и коробку блестящих гвоздей, которые нужно успеть вытащить до того, как они растворятся в проволоке.

> Смотри, — шепотом сказал Илья, указывая на обочину.

Там, в кювете, лежал легковой автомобиль. Он не гнил — он молодел. Краска на капоте, еще вчера шелушившаяся хлопьями, на глазах стягивалась в ровный глянцевоый слой. Вмятина на правом крыле выправилась с глухим хлопком прямо на их глазах, металл зазвенел, выталкивая микротрещины. Марк остановился, зачарованно глядя на машину.

> Еще неделя, и аккумулятор соберет свинец обратно в пластины. Если слить кислоту сейчас...

> Нет, — отрезала Лена, даже не замедлив шага. — Не подходи.

> Почему? Там отличные медные жгуты, электропроводка! Нам в кузню нужен провод для обмотки мехов.

> Двигатель внутреннего сгорания был собран на конвейере методом запрессовки, — бросила Лена через плечо. — Он сейчас идет к точке максимального внутреннего напряжения. Через сорок минут блок цилиндров выстрелит поршнями внутрь салона, когда поршневые кольца сойдутся с цилиндрами до нулевого зазора. Хочешь получить куском чугуна в грудь — иди, выкручивай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.